

Ситуационная модель когерентности нарративного текста в современной русскоязычной коммуникации

Situational Model of the Narrative Text Coherence in Modern Russian Communication

DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-4-21-27

Получено: 05 июня 2024 г. / Одобрено: 27 июня 2024 г. / Опубликовано: 26 августа 2024 г.

А.В. Глазков

Канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой дискурсивных практик, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Россия, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>, Researcher ID: E-7646-2014, e-mail: alexy.glazkow@gmail.com

A.V. Glazkov

Head of the Department of Discursive Practices, Candidate of Philology, Associate Professor, Russian Academy of National Economics And Public Administration, 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>, Researcher ID: E-7646-2014, e-mail: alexy.glazkow@gmail.com

Аннотация

В статье поднимается вопрос о формальном описании когерентности нарративного текста. Когерентность, являясь одной из существенных характеристик дискурса, требует формального описания. В исследовании предложено решить данную проблему применительно к нарративным текстам с использованием ситуационного моделирования. Определен набор принципов когерентного построения текстуальной группы: оптимальность, мотивированность, стабильность, объявленная изменчивость. На основании этих принципов определены максимы когерентности нарративного текста. Показано, что достаточным условием когерентности нарративного текста является включение всех выраженных ситуаций в одно целое при условии непротиворечивости представленной информации. В качестве доказательства выводов приведен анализ кейса: представлена модель ситуационной разметки и процедура сведения ситуаций в единое целое. В качестве выводов указано, что по индукции предложенный метод может быть использован для анализа сколь угодно больших нарративных текстов.

Ключевые слова: нарратив, когерентность, текстуальность, ситуация, ситуационная семантика, формализация, речевая коммуникация.

Abstract

The article raises the issue of formal description of narrative text coherence. Coherence, as one of the essential characteristics of discourse, requires a formal description. The study proposed to solve this problem for narrative texts using situation modelling. It is defined a set of principles allowed to construct the coherent textual group, such as optimality, motivation, stability, declared variability. Based on these principles, it was determined a set of maxims of the narrative text coherence. It is shown that a sufficient condition of coherence of narrative text is inclusion of all expressed situations in one whole, provided that the presented information is consistent. As a proof of the conclusions the analysis of the case is given: a model of situational markup and a procedure of consolidating situations into a single whole. The proposed method can be used to analyze any large narrative texts.

Keywords: narrative, coherence, textuality, situation, situational semantics, formalization, speech communication.

Введение

В настоящей статье предметом научного анализа выступает когерентность нарратива, объектом исследования является когерентность как текстуальная категория, так как «любой текст передает ту или иную информацию реципиенту», которая «определенным образом» распределяется ее создателем [1, с. 338]. Когерентность признается одной из ключевых характеристик дискурса, что было показано в ряде фундаментальных исследований (М.Л. Макаров [9], Т.В. Милевская [10], Т. Гивон [16]). Однако открытым остается вопрос о формальном изучении этой категории.

Цель предлагаемого исследования — формализация описания когерентности и выделение условий когерентности нарративной текстуальной группы. Она достигается посредством выделения принципов когерентности нарратива, формулировки максимум когерентности нарратива, установления смысловых связей и отношений между важными понятиями — «когерентность» — «нарратив» — «ситуация», а также

проверки действенности предложенного метода когнитивного моделирования¹ и использования ситуационной семантики.

В современной лингвистике определяется несколько направлений исследования данной проблемы: 1) традиция неразделения категорий когезии и когерентности (см., например, одну из значимых работ последнего времени У. Стойнич [21], связанную с ним статью П. Пагина [20]); 2) подход строгого противопоставления этих двух категорий — когезия и когерентность (см., одну из новых исследований М. Аверинцевой-Клиш [13]); 3) имеются исследования, концентрирующиеся на категории когерентности, которые не рассматривают вопросы когезии (например, Э. С. Вагнер [22]); 4) рассмотрение когезии (как «особых» текстовых «видов связи») и когерентности (текстообразующей категории) в дискурсивном аспекте анализа категорий текста [см.: 1, с. 330, 334].

¹ Ср.: Когнитивная лингвистика: учебник для вузов / Под ред. С.М. Колесниковой. М.: Юрайт: 2022, С. 27.

Понятия когерентности, нарратива и ситуации и отношения между ними

Соотношение понятий «когерентность» — «нарратив» — «ситуация» и описание ситуационной семантики позволяют решить вопрос о когерентности нарратива, определить сущностные отношения текстовых категорий.

Под **когерентностью** нами понимается категория текстуальности, позволяющая установить взаимную непротиворечивость предложений, рассмотренных в целостности [определение наше. — А.Г.].

Назовем любое множество предложений текстуальной группой. Будем говорить, что текстуальная группа **когерентна**, если существует такой порядок (т.е. линейное расположение предложений), при котором предложения непротиворечивы, а любое противоречие разрешается внутри данной текстуальной группы. Пусть текстуальная группа состоит из двух предложений /1/ *Иван спит* и /2/ *Иван не спит*. Она некогерентна, но если в нее добавить предложение, которое разрешит противоречие между данными, то она будет когерентна. Скажем, предложение /3/ *Прозвонил будильник* в последовательности /1-3-2/ создает когерентную текстуальную группу.

Следующие примеры покажут, что когерентность устанавливает градуальные отношения между предложениями в текстуальной группе.

(1) /1/ *С утра лил дождь.* /2/ *Иван решил не выходить на двор.*

(2) /1/ *Дети играли с кошкой.* /2/ *Иван решил не выходить на двор.*

(3) /1/ *Кошку назвали Агафьей.* /2/ *Иван решил не выходить на двор.*

Безусловно, когерентной будет признана группа (1). Группа (2) может быть признана когерентной в меньшей степени, так как можно высказать некоторые стандартные предположения, как связаны игра детей с кошкой и отказ Ивана выходить из дома. Группа (3) некогерентна, так как либо такие предположения отсутствуют, либо их бесконечно много. С.М. Колесникова пишет о трех типах градуирования в системе языка: логическом, психологическом и лингвистическом [6, с. 16]. Когерентность совмещает в себе признаки логического и лингвистического (имплицитного, так как не имеет специального выражения) типов. Ее логический характер позволяет соотнести когерентность с **консистентностью** — логической непротиворечивостью, что иллюстрируют предложенные примеры.

Для анализа когерентности выбран ситуационный подход в рамках ситуационной семантики, основанной на исследованиях зарубежных и отечественных ученых Дж. Барвайс и Дж. Перри [14]; К. Девлин [15], А.Ю. Моисеева [11] и др.

Под термином «ситуация» понимается система отношений между объектами в определенном месте и времени в заданной модальности. Данное определение соотносится с определениями ситуации, приведенными в указанных работах. Формально определение представляется следующим образом:

$C = \langle \langle \mathfrak{R}; O; \tau; l; M = 1 \rangle \rangle$, где C — ситуация, \mathfrak{R} — система отношений, O — объекты ситуации, τ — временной интервал между точками t_1 и t_2 , l — место ситуации, M — модальность, $M = 1$ означает, что ситуация существует в нашем возможном мире (т.е. любое выражение о данной ситуации истинно), $M = 0$ означает, что ситуация не существует в нашем возможном мире (любое выражение о данной ситуации ложно).

Под «объектами» понимаются участники ситуации, способные быть выражены именными группами (далее — ИГ): «Люди / Персона/Человек», «Группы людей», «Животные», «Предметы», а также другие ситуации, если они выражены с помощью именных групп. Например, в предложении *Внезапный отъезд Ивана расстроил его мать* ИГ *внезапный отъезд Ивана*, занимающая позицию экспериенцера, становится объектом ситуации расстройства матери [см. подробно, 2].

Отношения, возникающие в ситуации между объектами, представляют собой отдельные пропозиции и могут быть предиктированы. Таких отношений может быть бесконечно много, а поэтому логично выделить **эксплицитные** и **имплицитные отношения** внутри ситуации:

1. **Эксплицитные** представлены предложениями, где выделяются буквальные значения и значения, с необходимостью выделяющиеся из предложения. Например, в предложении *Иван вернулся домой через 2 часа* обнаруживаются три ситуации, соответствующие трем временным интервалам: τ_0 — Иван когда был дома l_0 , τ_1 — Иван в течение 2 часов находится вне дома l_1 , τ_2 Иван снова дома l_0 — тем самым имеют место три ситуации, соответствующие основной пропозиции предложения (C1), пресуппозиции (C0) и следствию (C2))¹.

2. К **имплицитным** компонентам ситуации относятся те пропозиции, которые не вычлениваются из предложения с необходимостью (например: предложение *Иван вернулся домой спустя 2 часа* может содержать информацию о том, что Иван открыл и закрыл дверь, переобулся, переоделся и т.д.; имплицитная часть ситуации возникает благодаря знаниям, полученным либо из чтения предшествующего текста, либо из опыта.

¹ Появление этих пропозиций связано с глагольной семантикой, что подробно описано в работах Н.Б. Лебедевой [8].

Последнее позволяет противопоставить ситуацию и ситуационный тип. Ситуация должна иметь координатные, т.е. способные быть численно выраженными время и место, даже если это ситуация художественного текста и время и место действия вымышлены. Ситуационный тип не имеет координатных времени и места и может быть реализован в конкретных ситуациях.

Противопоставление ситуации и ситуационного типа не связано напрямую с референтными / нереперентными ИГ. Текстовое представление ситуационного типа вполне может содержать референтные ИГ, как в следующем примере (нереперентные ИГ индексированы буквой *r*, референтные — буквой *R*).

(4) /1/ Взять **луковицу_r** и **помидор_r**. /2/ **Луковицу_R** нарезать полукольцами и припустить. /3/ **Помидоры_R** порезать кружочками и добавить в **лук_R**. /4/ Жарить **О_R** еще минут 5, постоянно помешивая.

Очевидно, что в предложениях /2/—/3/ выделенные именные группы референтны. В предложении /4/ добавлено нулевое местоимение, замещающее актантную валентность (пациенс) глагола *жарить*, кореферентное группе *луковица и помидор*.

Модальность является одной из важнейших составляющих **ситуации** и определяется нами как **параметр**, который устанавливает **истинность** представляющих ситуацию предложений. Если объединить все ситуации так, что условия истинности будут едины для всех описывающих эти ситуации предложений, получим возможный мир. Тогда предложения истинны, если они истинны в том возможном мире, который они представляют. Когда пишем для некоей ситуации C_n , что $M = 1$, это значит, что описывающие ее предложения истинны в системе этой ситуации. Можно было бы это также обозначить так: $M_{C_n} = 1$, т.е. ситуация истинна, например, в нашем возможном мире. Принцип объединения ситуаций оптимален для оценки когерентности текстуальной группы. Его можно сформулировать следующим образом: текстуальная группа когерентна, если все входящие в ее состав ситуации непротиворечиво объединяются в одну максимально возможную.

Под нарративным нами понимается **принцип** построения текстуальной группы, когда ее порядок формируется на основе временной соотнесенности связанных друг с другом ситуаций. В этом случае понятие нарратива оказывается шире, чем в подходах, где нарратив необходимо связан с особым сюжетным построением, как, например, в подходе Л.В. Коммуци: «В структуралистском и когнитивном понимании нарратив — это репрезентация событийного опыта в виде текста, рассказывающего историю с началом, серединой и концом с целью передачи его другим» [7, с. 274]. Такое определение вполне соотносится с

подходом, заданным У. Лабовым и Дж. Валетски [19]. В настоящем исследовании мы опираемся на более широкое определение нарратива, так как фокусируем внимание только на когерентности входящих в его состав предложений. Для нас важно, чтобы входящие в текстуальную группу предложения могли быть составной частью текста, отвечающей структуре нарратива.

Нарративными будем считать следующие текстуальные группы:

(5) /1/ *Пес прибежал к крыльцу*. /2/ *Его позвал Иван*.

(6) /1/ *Пес сидит на крыльце*. /2/ *Иван курит папиросу*.

(7) /1/ *Иван позвал псов*. /2/ *Из-за куста сирени выбежал Трезор*. /3/ *Из сарая выскочил Полкан*. /4/ *Вместе с ним прибежал Барбос*. /5/ *Последним явился Рекс*.

Группа (5) наиболее тривиальна и не требует особого толкования, если иметь в виду, что существительное *пес* и местоимение *его* кореферентны. В ней представлена типичная для нарратива последовательность событий. В ситуационной семантике этому присвоен термин «цепочка событий» [14, с. 56–57].

Группа (6) менее типична для нарратива, так как события, представленные в ней, синхронны. Здесь требуется предположение, что оба факта имеют место в пределах одной ситуации, т.е. совпадает не только время, но и место.

Группа (7) сложнее, в ней объединяются свойства, выделенные в группах (2) и (3). Можно предположить, что первым возле Ивана оказался Трезор, а Полкан и Барбос прибежали одновременно, т.е. ситуации «Бежит Полкан» и «Бежит Барбос» нельзя представить как цепочку событий.

(8) /1/ *Иван курит папиросу*. /2/ *Сейчас он мог бы говорить с Петром*.

Эту группу тоже можно рассмотреть как нарративную, хотя в ней представлены ситуации с разной модальностью. Из /5/ следует, что Иван сейчас не разговаривает с Петром, т.е. эта ситуация не относится к тому же возможному миру, что и ситуация, выраженная предложением /1/. Однако в определении не сказано, что нарратив не допускает модального расщепления, как этого требует подход У. Лабова. Мы имеем дело с двумя соотнесенными по времени событиями, имеющими место в разных модальных системах.

Принципы когерентного построения текстуальной группы и максимы когерентности нарратива

Выделив в структуре нарратива отдельные ситуации, определим систему параметров, позволяющих

оценить когерентность нарративной текстуальной группы. За основу принимается сформулированный ранее принцип объединения. Поскольку речь идет о текстовом представлении ситуации, каждый ее компонент выступает не сам по себе, а в языковом выражении. Это позволяет выделить четыре основных принципа когерентного построения текстуальной группы.

1. *Оптимальность* — объем номинации компонента ситуации должен быть соотнесен с предполагаемой системой знания читателя. Например, если лицо названо по должности и имени-отчеству, при повторе номинация может быть сокращена.
2. *Мотивированность* — название компонента ситуации либо изначально ясно, либо требует разъяснения, почему оно таково. Например, если человек назван вором, должно быть показано, почему он получает такую номинацию.
3. *Стабильность* — компонент ситуации и его языковое выражение постоянны в представлении данной ситуации. Это значит, что, например, если коридор назван узким, он должен быть узким в рамках данной ситуации. В противном случае у читателя может возникнуть представление, что речь идет о другом коридоре.
4. *Объявленная изменчивость* — если название компонента ситуации меняется, должно быть ясно, что происходит замена номинации. Например, если названо место словом дома, а затем оно же названо при помощи координаты (адреса), то должно быть ясно, что произошла замена номинации.

Из сказанного можно вывести максимы когерентности нарратива: **ориентируйся на читателя** → **мотивируй выбор номинации** → **будь стабилен** → **обозначь изменение**.

Данные максимы действуют как синтагматически (при обозначении ситуации, смене ситуаций), так и парадигматически (при соотнесении ситуации с ситуационным типом). В примере (4) когерентность обеспечена тем, что слово пёс ассоциировано с кличками собак. Включение в текстуальную группу предложения типа *Прибежала Таня* вызвало бы вопрос, почему на призыв, обращенный к собакам, прибежала девушка. Тем самым в примере реализованы принципы оптимальности и стабильности, а добавленное предложение нарушает этот принцип.

С другой стороны, в примерах (2) и (4) реализована модель «звать → приходиться / прибегать», которая соответствует определенному ситуационному типу. Представленные ситуации тривиально ему соответствуют, поэтому сообщение типа «На зов обычно откликаются» отсутствует, хотя и представлено в текстуальной группе имплицитно. Мы предложили

называть такие невыраженные пропозиции, обеспечивающие когерентность текстуальной группы, прагматическими дополнениями [см. 3, с. 17–18]. Принцип стабильности, таким образом, реализован в парадигме данного ситуационного типа.

Не следует рассматривать максимы в качестве руководства к написанию нарратива (композиция была описана У. Лабовом, К. Бринкером). Суть данных максимумов в обеспечении когерентности нарративной текстуальной группы.

Объединение ситуаций, подтверждающее когерентность нарративной текстуальной группы, происходит при следующих условиях:

- множество объектов в текстуальной группе оптимально, то есть нет «лишних», присутствие которых требует разъяснения, нет «забытых», отсутствие которых требует разъяснения;
- время и место ситуации не имеет необъяснимых разрывов (континуально);
- все пропуски между отдельными предложениями (выраженными пропозициями) непротиворечиво заполняются прагматическими дополнениями;
- ситуации описаны в одной модальности, а все модальные переходы мотивированы;
- все ситуации соответствуют ситуационному типу, а все отклонения мотивированы;
- текстуальная группа составлена без нарушений норм когезии.

Анализ кейса

Использование «глобальной информации» осуществляется посредством когнитивного моделирования: «баз знаний» и форм их выражения [5, с. 27]. В качестве примера лингвокогнитивного анализа когерентности текстуальной группы рассмотрим один кейс: фрагмент текста относится к нарративному типу; задача кейса состоит в доказательстве того, что представленная в нем нарративная текстуальная группа когерентна. Текст приведен с ситуационной разметкой¹:

/1/ {C1 Был у меня один клиент-физлицо. /2/ {C2 У мужчины сложилась неприятная ситуация в семье: жена обвинила его в {C6 краже ≈ C6} ~ C2}. /3/ {C3 Тот захотел восстановить честное имя и предложил {C4 пройти проверку на полиграфе ≈ C4}, поэтому обратился ко мне ~ C3}. /4/ {C5 Мы встретились, обсудили все обстоятельства инцидента, назначили место и время ~ C5}. /5/ {C4 ≈ И вот во время теста я вижу: {C6 ≈ клиент имеет причастность к хищению денег ~ C6}. /6/ После нескольких вопросов я остановил тест и объяснял человеку, что продолжать будет бес-

¹ Каждая ситуация выделена фигурными скобками и обозначена буквой С с числовым индексом. Завершение ситуации обозначено знаком ~, прерывание ситуации и ее продолжение обозначено знаком ≈.

полезно, ибо результаты уже говорят против него ~C4}. /7/ {C7 Далее включился в работу как психолог — и немного помог в разрешении конфликтной ситуации ~ C7} ~ C1}.

В тексте выделено 7 (семь) ситуаций:

- C1 — работа с клиентом;
- C2 — обвинение в краже;
- C3 — желание восстановить справедливость;
- C4 — проверка на полиграфе;
- C5 — предварительная договоренность;
- C6 — кража, совершенная мужчиной;
- C7 — после теста.

Вхождение ситуаций в более крупную ситуацию может происходить на основе их взаимной непротиворечивости. Для нарратива непротиворечивость означает возможность сочетания ситуаций как элементов временной последовательности.

Рис. 1. Хронология ситуаций

Разметка показывает, что членение текста на предложения не соответствует ситуационному членению. Покажем, почему это происходит. Для этого дадим анализ полипропозитивным предложениям, выражающим более одной ситуации. Таких предложений два: /3/ и /5/. Маркируют полиситуативность в обоих случаях глаголы. Глагол *предложить* перформативный¹, который в качестве одного из синтаксических актантов имеет инфинитивную группу, обязательно обозначающую другую ситуацию, находящуюся в будущем. Глагол *видеть* в данном случае имеет значение ‘понимать’ и в качестве одного из актантов имеет предикативную группу, также обозначающую целую ситуацию, но находящуюся в прошлом.

Некоторые ситуации, напротив, распределены по нескольким предложениям. Предложение /2/ содержит слово *кража*, которое обозначает целый ситуационный тип. В отличие от глагола *красть* оно не имеет актантов, а поэтому остается невыраженным то, кто, что и у кого украл. В данном случае агенсом однозначно выступает муж, а бенефактивом — жена², мы предлагали использовать термин *бенефактив минус* [4, с. 221]. Кроме того, предложение сообщает об *обвинении*. Обе ситуации требуют разрешения,

что на уровне текста выражается в наличии «правых» контекстов, т.е. представлении информации о том, что будет дальше. Таким образом, когерентность предложения /2/ будет иметь место в том случае, если представленные в нем ситуации будут разрешены.

Ситуация кражи может иметь несколько тривиальных разрешений: а) кража не обнаружена (например, тот, у кого что-то украли, не заметил этого или счел, что он потерял что-либо); б) кража обнаружена, но вор не найден; в) кража обнаружена, и вор найден. Каждый из трех вариантов противоречит остальным, т.е. система из трех указанных вариантов неконсистентна, а называющие их предложения не могут образовывать когерентную текстуальную группу. Если рассматривать эти три ситуации не отдельно, а как разрешение ситуации «Кража», то каждое разрешение допустимо в пределах только одной модальности. В данном тексте реализуется вариант б, но композиционно нарратив выстроен так, что вначале сообщается о потенциальном воре: жена обвинила мужа в воровстве.

Обвинение — это речевой акт, декларатив, по классификации Дж. Сёрля. Обвинение обычно предшествует установлению виновности или невиновности человека в совершении какого-либо преступного деяния, а поэтому ситуация обвинения точно так же имеет два модальных разрешения. Обвинение может быть истинным или ложным, однако мы не рассматриваем этот речевой акт с правовой точки зрения. Истинность обвинения есть не что иное, как когерентность внутри текстуальной группы, где одна ее подгруппа (предложение или несколько предложений) выражает совершенное действие, а другая — собственно обвинение.

Ситуации C2 и C6 в приведенном тексте могут быть представлены так:

C2 = << Я; О (жена_{автор}, муж_{адресат}), I, τ_{C2}, M = 1 >>

C6 = << Я; О (муж_{агенса}, предметы кражи), I, τ_{C6}, M = ? >>

Знак вопроса (?) вместо индекса модальности означает неизвестность, истинна ли C6, т.е. входят ли две данные ситуации в один возможный мир, где адресат C2 и агенс C6 кореферентны. Обвинение как речевой акт требует подтверждения или опровержения, представляемых в виде дополнительных нарративных текстуальных групп. В теории У. Лабова это называется валидацией нарратива. Действительно, быть обвиненным и быть виновным имеет между собой существенное различие: если жена обвинила мужа в краже, это еще не значит, что он украл. Следовательно, ситуация C2 требует валидации. Валидация имеет место в тех случаях, когда две или более ситуации неконсистентны и требуется выбор

¹ Имеется в виду, что в канонической ситуации общения он будет употреблен как типичный перформатив. В нарративном режиме, понятно, чистых перформативов не бывает, кроме речи гомодиегитического нарратора.

² В.А. Плунгян говорит о возможности использования термина *малефактив* для «отрицательно затронутого участника» [12, с. 165].

одной из них. Мы предложили называть это термином *расщепление реальности*. В общем виде можно сказать, что достаточным условием расщепления реальности является невозможность объединения двух и более ситуаций в одну в одной модальности. В частном случае это означает, что в тексте эксплицитно или имплицитно представлены альтернативные ситуации, только одна из которых может иметь продолжение в данном возможном мире. Ситуация С3, представленная в предложении /3/, и служит решению этой задачи. Она сама по себе вспомогательная, потому что не способна привести расщепление реальности к единичности, а является звеном в цепочке событий $C3 \rightarrow C5 \rightarrow C4$, которые различаются временем и, главное, характером отношений между действующими лицами: в С3 основной персонаж является потенциальным клиентом, в С5 — клиентом, а в С4 становится испытуемым на полиграфе. Очевидно, что все эти ситуации связаны с С2 и с С6, так как клиент должен рассказывать и об обвинении его женой, и о своей версии события. Следовательно, в тексте присутствует еще одна имплицитная альтернативная ситуация $C6_{alt}$, которая должна существовать только в рассказе мужчины. Мы не знаем, как она выглядела, но должны быть уверены, что в ней мужчина не предстает как вор. В С3 он обманывает своего собеседника, как и, вероятно, был намерен обмануть полиграф. Таким образом, цепочка данных ситуаций может быть представлена как ситуация более высокого ранга $C(3, 5, 4)$.

$C(3, 4, 5) = \ll \mathcal{R}; O \text{ (клиент, владелец полиграфа)}, I_{3,4,5}, \tau_{C3,4,5}, M = 1 \gg$

Когерентность предложений, содержащих эти ситуации, тем самым подтверждена.

Если составить текстуальную группу из предложений /2–6/, то такая группа будет замкнутой, так как ее крайние предложения не имеют соответственного «левого» и «правого» контекстов. Собственно, она и составляет нарратив, который вполне можно представить по композиционным схемам У. Лабова или К. Бринкера. Предложение /1/ выражает ситуацию С1, объединяющую $C(5, 4, 7)$, так как именно в них основной персонаж допускает номинацию *клиент*. Временная ограниченность бытия клиентом

создает «правый» контекст предложения /1/, которое становится когерентным всему остальному тексту.

Предложение /7/ представляет ситуацию, которая дополняет основной нарратив: проводящий исследование на полиграфе не должен участвовать в судьбе испытуемых, а поэтому он добавляет номинацию *психолог*. Само предложение, хотя и завершает текст, имеет правый контекст, так как нарратор сообщает о том, что «немного помог в разрешении конфликтной ситуации», из чего неясно, как же именно конфликтная ситуация разрешилась, однако у читателя не должно при этом создаться ощущения незавершенности, поскольку это уже другой нарратив¹.

Используя ситуационный анализ, мы показали, что представленная нарративная текстуальная группа обладает признаками когерентности, так как все представленные ситуации непротиворечиво допустили объединение, а дополнительная информация, без которой нарушается непротиворечивость текстуальной группы, не требуется.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Когерентность нарратива может быть установлена с помощью анализа в рамках ситуационной семантики.
2. Достаточное условие когерентности нарратива таково: нарратив когерентен, если все ситуации, представленные в нарративной текстуальной группе, могут быть непротиворечиво включены в одну общую ситуацию.
3. Принципами построения когерентной текстуальной группы являются: оптимальность, мотивированность, стабильность, объявленная изменчивость. На основании этих принципов выстраивается текстовое представление ситуации.
4. Представленный анализ небольшого нарративного текста показывает, что по индукции можно разработать аналогичную схему анализа сколь угодно большого нарративного текста.

¹ Описывая систему категорий текстуальности, В.-Д. Краузе выводит категорию относительной завершенности, имея в виду, что текст может продолжаться до бесконечности [17, с. 53].

Литература

1. Актуальные проблемы современной русистики [Текст]: учебник и практикум для вузов / С.М. Колесникова [и др.] / Отв. ред. С.М. Колесникова. — М.: Юрайт, 2024. — 635 с.
2. Глазков А.В. Из реальности в текст и обратно [Текст]: Очерк прагматики нарративного текста / А.В. Глазков. — М.: Де'Либри, 2018. — 426 с.
3. Глазков А.В. Ситуационность как основа когерентности текста [Текст] / А.В. Глазков // Вестник МГОУ. Серия «Филология». — 2022. — № 1. — С. 13–24.
4. Глазков А.В. Семантика: от слова к тексту [Текст] / А.В. Глазков. — М.: Юрайт, 2024. — 492 с.
5. Когнитивная лингвистика [Текст]: учебник для вузов / С.М. Колесникова, Е.В. Алтабаева, А.Т. Грязнова / Под ред. С.М. Колесниковой. — М.: Юрайт, 2022. — 192 с.
6. Колесникова С.М. Градуальность: связи и отношения в системе русского языка [Текст] / С.М. Колесникова. — М.: ФЛИНТА, 2006. — 231 с.
7. Комуцци Л.В. Типы трансмедиальных нарративов и их поэтика [Текст] / Л.В. Комуцци // Век информации. — 2018. — № 2–2. — С. 274–275.

8. Лебедева Н.Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики [Текст] / Н.Б. Лебедева. — М.: Либроком, 2010. — 192 с.
9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
10. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.В. Милевская. — Ростов н/Д, 2003. — 43 с.
11. Моисеева А.Ю. Реляционный подход к значению и содержанию в ситуационной семантике [Текст] / А.Ю. Моисеева // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 «Общественные науки». — 2018. — Т. 13. — № 4. — С. 95–110.
12. Плуныян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику [Текст] / В.А. Плуныян. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 384 с.
13. Averintseva-Klisch M. Textkohärenz. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2020. 100 S.
14. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Stanford: CSLI Publications, 1999. 376 pp.
15. Devlin K. Situation Theory and Situation Semantics. Handbook of the History of Logic. Vol. 7. Amsterdam: Elsevier, 2006, pp. 601–664.
16. Givón T. Coherence. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2020. 293 p.
17. Krause W.-D. Textsorten — Kommunikationslinguistische und konfrontative Aspekte. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2000. 224 S.
18. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / Brinker K., Cölfen H., Pappert S. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2018. 190 S.
19. Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. Journal of Narrative and Life History, 1997, vol. 7, issues 1–4, pp. 3–38.
20. Pagin P. Linguistic Conventions or Open-Ended Reasoning: Some Questions for Una Stojnić // Croatian Journal of Philosophy. 2023, vol. XXIII, no. 69, pp. 261–274.
21. Stojnić U. Context and Coherence: The Logic and Grammar of Prominence. Oxford: Oxford University Press, 2021. 219 p.
22. Wagner E.S. Narrativity, Coherence and Literariness. De Gruyter, 2020. 638 p.
4. Glazkov A.V. Semantics: From the Word to the Text. Moscow: Urait, 2024. 492 p.
5. Cognitive Linguistics / S.M. Kolesnikova, E.V. Altabaeva, A.T. Gryaznova, S.M. Kolesnikova (Ed.). M.: Urait, 2022. 192 p.
6. Kolesnikova S.M. Graduality: Links and relations in the Russian language system [Gradual'nost': svyazi i otnosheniya v sisteme russkogo yazyka]. Moscow: FLINTA, 2006. 231 p.
7. Komucci L.V. Types and poetics of transmedial storytelling // Vek informacii [Century of Information]. 2018, no. 2–2, pp. 274–275. (In Russian)
8. Lebedeva N.B. Polisituational Analysis of Verbal Semantics [Polisituativnyj analiz glagol'noj semantiki]. Moscow: LIBROKOM, 2010. 192 p.
9. Makarov M.L. Fundamentals of discourse theory [Osnovy teorii diskursa]. M.: Gnozis, 2003. 280 p.
10. Milevskaya T.V. Coherence as a category of discourse and text (cognitive-functional and communicative-pragmatic aspects). [Svyaznost' kak kategoriya diskursa i teksta (kognitivno-funkcional'nyj i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty)]. Avtoreferat dokt. diss. Rostov-na-Donu, 2003. 43 S.
11. Moiseeva A.YU. Relational Approach to Meaning and Content in Situation Semantics // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki. [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2018, vol. 13, no. 4, pp. 95–110. (In Russian)
12. Plungyan V.A. General Morfology: Introduction to the Problematics [Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku]. Moscow: Editorial URSS, 2003. 384 p.
13. Averintseva-Klisch M. Textkohärenz. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2020. 100 S.
14. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Stanford: CSLI Publications, 1999. 376 pp.
15. Devlin K. Situation Theory and Situation Semantics. Handbook of the History of Logic. Vol. 7. Amsterdam: Elsevier, 2006, pp. 601–664.
16. Givón T. Coherence. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2020. 293 p.
17. Krause W.-D. Textsorten — Kommunikationslinguistische und konfrontative Aspekte. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2000. 224 S.
18. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / Brinker K., Cölfen H., Pappert S. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2018. 190 S.
19. Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. Journal of Narrative and Life History, 1997, vol. 7, issues 1-4, pp. 3–38.
20. Pagin P. Linguistic Conventions or Open-Ended Reasoning: Some Questions for Una Stojnić // Croatian Journal of Philosophy. 2023, vol. XXIII, no. 69, pp. 261–274.
21. Stojnić U. Context and Coherence: The Logic and Grammar of Prominence. Oxford: Oxford University Press, 2021. 219 p.
22. Wagner E.S. Narrativity, Coherence and Literariness. De Gruyter, 2020. 638 p.

References

1. Actual problems of Russian Studies / S.M. Kolesnikova [ao.] / S.M. Kolesnikova (Ed.). M.: Urait, 2024. 635 p.
2. Glazkov A.V. From Reality to the Text and Back: Essay of Narrative Text Pragmatics [Iz real'nosti v tekst i obratno: Ocherk pragmatiki narrativnogo teksta]. M.: De'Libri, 2018. 426 p.
3. Glazkov A.V. Situationality as a basis of text coherence // Vestnik MGOU. Seriya: Filologiya. [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology]. 2022, no. 1, pp. 13–24.